

Хотя его руки и были в крови, то была кровь во имя справедливости, и за все эти годы он ни разу не пожалел и не струсил.

Однако, что бы там ни думал Тан Юань, судя по последним веяниям в мире боевых искусств, близилась буря. И главной её причиной была та самая вещь, о которой накануне спрашивали из Павильона Недеяния.

Люди из Павильона задавали вопросы загадочные, но речь-то шла о том, о чём знал даже трёхлетний ребёнок в мире воинов, — просто никто не принимал те легенды всерьёз. Говорили, будто эта вещь может определять счастье и беды человека, даже вернее, чем книги жизни и смерти у Владыки Преисподней. Но в этом мире и Владыки-то нет, откуда же взяться такому диву?

Тан Юань достал из-под кровати большой деревянный ящик и смахнул с него пыль.

Ящик выглядел старым, стиль — простой и древний. На крышке зиял длинный глубокий шрам, словно от удара мечом, что прошёл наискосок сверху донизу. Казалось, им прикрывались от клинка, и по зарубке видно было, как тот страшен — будто собирался разрубить пополам и ящик, и того, кто за ним стоял.

Взявшись за края, он легко приподнял крышку и вынул то, что хранилось внутри. Снаружи ящик казался изувеченным, но содержимое его оставалось нетронутым.

Шахматная доска. Чёрные и белые камни.

Доска была из персикового дерева. Дерево Тан Юань выбирал сам. Персик — материал для доски не лучший, но его привлекли свойства отгонять злых духов. Он упросил мастера срубить священное дерево из Долины Персикового Цвета, и потом ученики Долины гонялись за ним полмесяца, пока он не сделал эту доску. Вырезал он её сам, месяц за месяцем, и хоть особой ценности в ней не было, рука к ней привыкла.

Камни же подарил старый друг. Ценность всего набора — именно в них. Чёрных и белых камней было по сто восемьдесят. Белые — из превосходного хотанского нефрита, прозрачные, чистые, тёплые на ощупь, словно баранье сало. Чёрные же были диковинкой — до сих пор Тан Юань не знал, из чего они сделаны, но в руке они были прохладными и приятными.

Тан Юань вытащил этот давно не использовавшийся набор. И вправду, год или два он обходился в гаданиях без посторонних предметов.

Когда он только начинал изучать искусство предсказаний, другие использовали компас и прочие магические инструменты, а его взгляд приковала к себе шахматная доска, стоявшая во дворе учителя. Он то и дело изучал её, расставлял камни. Учитель никогда не ругал его, а лишь обучал, отталкиваясь от этого интереса.

В конце концов, предсказание — это вычисление. Все эти инструменты лишь помощники. Были мастера, что и судьбу с небес могли вычислить щелчком пальцев, не нуждаясь в формальностях.

Тан Юань питал особую слабость к той дворовой доске, но когда учитель выгонял его из обители, он сжёг её у него на глазах, разрешив взять лишь собственные вещи.

А в прошлом году учитель с женой и вовсе отправились странствовать к южным морям, предварительно спалив свою хижину в долине.

Гадатели могут постичь волю небес, но не свою судьбу; могут предсказать путь другим, но не себе. Учитель оставил наказ: «Когда умру — сожги все мои вещи, ничего не оставляй. Живу чистым, чистым и уйду».

После ученичества Тан Юань всегда носил с собой эту доску, сделанную своими руками. Он быстро преуспел в искусстве и скоро перестал нуждаться в ней как в подспорье. Но в важных делах всё же раскладывал камни — для уверенности.

Он поставил доску посреди двора, взглянул на небо. Было, наверное, около пятой стражи, скоро рассвет.

Он вымыл руки, дважды поклонился на восток и, сверяясь со звёздами, расставил на доске камни. Взглянул на получившуюся позицию — не смертельная. Вздохнул с облегчением.

Тан Юань взял с краю горсть камней, не глядя, чёрные они или белые, и рассыпал их по доске. Нефритовые камни зазвенели, падая на дерево, подобно жемчужинам, скатывающимся в фарфоровую чашу.

Когда последний камень остановился, а белые ещё слегка подрагивали, будто из-под земли поднялся ветер. Он взметнул пыль и окутал Тан Юана с головы до ног. Накидка, наброшенная при пробуждении, взлетела, и край её хлестнул по лицу, но Тан Юань даже не моргнул.

Перед ним был уже не его двор. Он видел партию вэйци, а сам был лишь зрителем.

В шахматной позиции можно было узреть намёк на волю небес.

Чёрные и белые камни ходили по очереди, тесня друг друга, не уступая ни пяди. Тан Юаню чудилось, будто на доске поднимается вихрь из песка и камней.

Вот-вот. Вот-вот он увидит исход.

Позиция уже сложилась, отражая небесную конфигурацию, что он выстроил ранее. Не хватало всего одного камня, чтобы завершить картину.

Тогда он смог бы взять доску и детально изучить партию.

Но в тот миг, когда последний камень должен был опуститься, Тан Юань увидел молнию. Синелиловый разряд, неся в себе гнев небес, рухнул прямо на доску.

Беда, беда! Моя доска!

Вот так совпадение, подумал Тан Юань. Не раньше, не позже, а когда исход уже виден — тут тебе и молния.

Он бросился прикрыть доску рукой, но лишь услышал оглушительный треск. Гром поразил руку, державшую камень, синелиловая молния пронзила тело Тан Юана и ударила в доску.

В момент удара из доски вырвались бесчисленные персиковые ветви — словно множество рук, вздымающихся к небу в мольбе. Чёрные и белые камни разлетелись в стороны, а на кончиках тех рук-ветвей распустились яркие, пышные цветы.

Последний камень так и не лёг на доску. Тан Юань вынырнул из того мистического состояния.

Взглянув на свою доску, он увидел, что в спешке смахнул с неё большую часть камней.

Осталась лишь половина партии.

Ладно, ладно. Видно, небеса не велят мне гадать.

Тан Юань уже собрался убирать доску, но, взмахнув рукавом, уронил один забытый чёрный камень. Тот, звякнув, упал прямо в центр доски — в точку Тяньюань.

Тан Юань вздрогнул всем телом. Долго смотрел на этот камень, но в конце концов убрал доску и камни.

Он не стал разгадывать эту партию. Во-первых, она была неполной, а разгадывать остатки — дело тяжкое. Во-вторых, последний камень лёг в Тяньюань.

Тяньюань — место на доске вэйци особенное. Вернее, особенности ему придаёт само положение в самом центре. Опытные игроки не стремятся занять Тяньюань сразу — «золотые углы, серебряные края, соломенное брюхо». Но, не борясь за центр, всё равно борются за восемь звёзд, а в итоге — за позицию. Таков путь вэйци. Таков и путь человека. Внешне — будь то гармония или вражда — суть всегда в борьбе.

Поднебесная суетится, стремясь к выгоде; Поднебесная мечется, следуя за выгодой.

Борьба с небом, борьба с людьми. Кто-то видит в этом лишь тяготы, а кто-то — бесконечный интерес.

Столица, переулок Уи.

Это было самое богатое место во всём городе, не считая императорского дворца.

Говорили, что у подножия императорского города на каждом шагу встречаются знатные дома — кирпичом сшибёшь трёх чиновников пятого ранга, да ещё и одного седьмого в придачу. А переулок Уи был золотой жилой в самом сердце императорского города. Здесь селились сановники первого и второго ранга, некоторые принцы и принцессы также имели здесь усадьбы.

В самом центре переулочка стоял особняк, пожалованный старшей принцессе в день свадьбы покойным императором. Резные балки, расписные стены — вид величественный. Главные ворота — двустворчатые, алые, с табличкой «Усадьба Тан». Надпись выполнил великий каллиграф своего времени, мазки — словно железные крюки и серебряные нити, полные силы и духа. За воротами — искусственные горки и ручьи, изящные и утончённые. По обеим сторонам шли крытые галереи, огибавшие стены и ведущие к главному залу.

Планировка усадьбы Тан была необычной. Изначально это была резиденция принцессы, построенная с изысканностью и красотой, присущей женским покоям. Позже отец Тан Юаня, став супругом принцессы, переехал в её дом. Семья Тан была одной из первых в столице, и хотя брак с принцессой был почётен, дом не мог более называться «Резиденцией старшей принцессы». Как раз тогда великий учёный Сюй Жуцзян прибыл в столицу, и семья Тан попросила его начертать новое имя. Мастер взмахнул кистью и вывел два иероглифа: «Усадьба Тан».

После рождения Тан Юаня старшая принцесса и его отец перестроили усадьбу. Передний двор сохранил облик резиденции принцессы, а на заднем — отвели место для игр Тан Юаня и семейного храма. От этого страдали юные отпрыски знатных семей, приходившие к Тан Юаню в гости. Попадая в передний двор, они тут же терялись и в конце концов, отчаявшись,

пробирались через чёрный ход или вовсе перелезали через стену.

Даже евнухи, приходившие с императорскими указами при прежнем императоре, имели на этот счёт своё мнение. Каждый раз, входя в усадьбу Тан, они просили служанку проводить их, иначе ненароком могли заблудиться.

<http://bllate.org/book/16265/1463502>